

Элизабет Грубис

Жатва

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элизабет Грубис

Жатва

«Автор»

2026

Грубис Э.

Жатва / Э. Грубис — «Автор», 2026

В элитном колледже Грейвуд убит студент. Его смерть назвали несчастным случаем. Но те, кто знает правила игры «Жатва», не верят в случайности. Восемь имен в списке пропавших ножей. Восемь потенциальных жертв. И только четыре человека готовы копать глубже, чем полиция. У каждого из них есть свой метод: контроль, цинизм, усталость, логика. Но когда игра становится реальностью, выжить можно только вместе. «Жатва» — это холодный триллер в атмосфере английской готики, где за идеальными фасадами скрываются тайны, а каждый шаг может стать последним.

© Грубис Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Элизабет Грубис Жатва

Пролог

— Готов поспорить, — голос Чака звучал вязко, как патока, пока он теребил лацкан пиджака, — тебя убьют до рассвета.

Я промолчал. В таких спорах лучше быть наблюдателем, чем участником — это я усвоил ещё на сборах, когда слов было меньше, чем синяков.

За столом повисла тишина, густая, как перед ударом. Команда переглянулась — в глазах каждого циничная усмешка. Самолюбие Чака всё ещё жгло унижение от того, как легко его вычеркнули из Жатвы. А вокруг, в общем гуле столовой, жизнь продолжалась: кто-то спорил, кто-то смеялся, кто-то просто торопился доесть, пока не закрылись места, куда все спешили в свободное время.

— Какова ставка? — мой голос звучал ровно, пока я допивал согретую в ладони колу, наблюдая за бликами ламп на её тёмной поверхности.

— Меньше сотни даже не принимается! — Чак бросил на стол мятую купюру с портретом лорда Кельвина, словно бросал вызов самой судьбе.

Я невольно проследил, как банкнота легла на стол. Для Чака это жест. Для меня — две недели продуктов.

Ещё двое, не сговариваясь, последовали его примеру, пополнив алтарь нашей общей глупости. Барнс усмехнулся и положил сверху свою банкноту:

— Складывается впечатление, что ты сам готов нанять убийцу и спланировать это идеальное преступление.

— Крайне маловероятно, что он сможет обойти пятнадцать тысяч человек меньше чем за сутки, — ответил я за Чака, отправив пустую банку с глухим стуком в урну.

За сводчатыми окнами лил бесконечный дождь — промозглый, осенний, тот, что смывает вековую пыль в водостоки, похожие на канавы средневекового города. Солнце, казалось, было погребено заживо под слоем свинцовых туч, даря миру лишь безнадёжный, сумеречный свет. По лужайке перед университетом, словно траурная процессия, скользили одинаковые тёмные фигуры под чёрными зонтами. Мне не суждено было вписаться в этот строгий, гравюрный пейзаж. Мой зонт остался сиротливо лежать в комнате в общежитии, на третьем этаже. Мать, если узнает, скажет: «Вечно ты как неприкаянный». Она права. Но здесь, среди этих башен и мокрых листьев, неприкаянность даже удобна.

— Потом не рыдай над своей «неудачей», как на поле, — бросил я Чаку, поднимаясь. Моя ставка присоединилась к общей куче — последняя монета, брошенная в кружку нищего.

— Он злится на тебя уже больше недели, — заметил Барнс, поравнявшись со мной по пути на выход из столовой.

— Ему нужно было меньше спать и не опаздывать на тренировки. Тогда, быть может, он оказался бы в основном составе, а не на скамейке запасных.

— Согласен, но Кла... — голос Барнса утонул в гулкой брани, разорвавшей тишину столовой, как выстрел.

Все замерли. Взгляды устремились к источнику шума.

— О, прошу прощения, я отвлекся на муху, в тот самый момент, когда ты должен был включить мозги, — шипел долговязый юноша, обращаясь к смущённому первокурснику, который сжимал в руках вырезанный деревянный нож, словно распятие. — Но, видимо, создатель посчитал их для тебя излишними. Будь так любезен, сделай круг почёта и начни этот цирк

заново. Только в этот раз — без щенячьих глаз. А то у меня стойкое ощущение, что ты решил разыграть дурачка. Зря.

— Алан... Вечный Алан, — выдохнул Барнс имя этого скандально известного декадента, и в его голосе послышалось что-то похожее на благоговейный ужас. — Дай ему дюйм — он отхватит милю. А потом потребует добавки.

Я посмотрел на Алана. Такие люди рождаются с чувством, что мир им должен. У меня такого не было. Может, поэтому я здесь, а они — везде.

— Тот мальчик тоже не святой, — кивнул я в сторону первокурсника, чьё лицо горело багрянцем, под стать кленовым листьям за окном. — Видишь нож? Он собирался перед всеми «убить» Блэквуда. Даже дурак знает, что это запрещено.

Барнс хмыкнул, но ничего не сказал. Мы оба знали: запрещено — не значит невозможно. Просто за это надо платить. А платёжеспособность у всех разная.

Мы двинулись к выходу из столовой, вышли на Хай-стрит. Дождь всё ещё моросил, но здесь, между магазинчиками, было чуть уютнее, чем на открытой площади. Барнс достал сигарету, прикурил, и дым смешался с туманом, повиснув между нами серой пеленой. Я смотрел на мокрый булыжник под ногами и слушал вполуха.

— И чего только первокурсникам неймётся? — Барнс покачал головой, выпуская струю дыма. — Деканат же перед каждой игрой предупреждает: нарушителей дисквалифицируют. Но нет, каждый год кто-то лезет.

Я не ответил. На перекрёстке, где Хай-стрит перетекает в Университет-стрит, мы свернули на восток. Здесь, между старыми корпусами общежитий, туман был гуще. Дождь лишь изредка попадал на нас, заставляя темнеть и тяжелеть университетскую форму. Свет ламп под старину ложился на каменные стены, освещая рельефы, которые помнили ещё монахов.

— Главное, в душ не ходи, — усмехнулся Барнс, придерживая сигарету двумя пальцами. — Правила правилами, но некоторые понимают их чересчур буквально. «Нельзя убивать в ваннах» — а кто проверит?

— Мне теперь до конца игры не мыться? — приподнял я бровь. — Никогда не был хилым. Сзади нападать — себе дороже.

— Расслабься, я же шучу, — легонько ткнул меня в бок Барнс, а потом понизил голос до заговорческого шёпота. — Но я слышал, тот жуткий парень снова из спортзала не выходит. Наверняка собрал дюжину ножей. Вдруг ты ему попадётся следующим.

— О себе побеспокойся, а не слухи собирай, — фыркнул я, отталкивая его. — Ты тоже в игре.

Слухи я, конечно, слышал. От них в кампусе не спрятаться. Но никогда не пересказывал их — только запоминал. На всякий случай.

— Он даже не спортсмен, — пробурчал Барнс под нос, потирая плечи. Голос у него сделался промозглым, под стать погоде. — Зачем ему становиться ещё больше?

Я пожал плечами. Какая разница? В спортзал ходят по разным причинам. Кто-то хочет быть сильнее, кто-то — чтобы забыться, кто-то — чтобы просто занять время. Я знал это не понаслышке. Но Барнс не из тех, кто беспокоится просто так. Если он завёл об этом разговор — значит, сам уже прикидывал варианты. Или кого-то боится.

— Может, ему просто нравится, — пожал я плечами. — Железо таскать. Некоторые получают от этого удовольствие.

Барнс хмыкнул, выпустил струю дыма, но ничего не сказал.

Мы пошли дальше по Университет-стрит. Дождь всё ещё моросил, но здесь, между старыми корпусами, он был не таким назойливым — капли срывались с карнизов, разбивались о булыжник, но уже не хлестали в лицо. Вдалеке, за серой стеной, угадывались очертания Уиллоу-хаус.

— Смотри, — Барнс тронул меня за локоть и кивнул в сторону Эш-хаус.

У мансарды стояла небольшая группа. В центре — девушка, которую я сразу узнал. Катрина Де Фэрчайлд, для своих просто Китти. Светлые волосы уложены так идеально, будто она только что из салона, хотя на улице ливень. Ровная осанка, на пиджаке — значок матфака, но он терялся где-то на фоне идеального маникюра, безупречных стрелок на глазах и подобранных в тон серёг.

— Говорят, у неё коллекция ножей быстро пополняется, — тихо сказал Барнс, не сводя с неё глаз. — В Жатве таких либо обходят стороной, либо... — он не закончил.

Я посмотрел на то, как Китти что-то говорила, жестикулируя, и компания вокруг неё засмеялась громче, чем того требовала шутка. Кто-то из парней, проходивших мимо, обернулся ей вслед. Кто-то из девушек поджал губы. Таких либо обожают, либо ненавидят.

— Лучше вообще не связываться, — закончил я за Барнса, — не знаешь, чего ожидать от окружающих таких людей.

Китти словно почувствовала взгляд. Она подняла голову, посмотрела прямо на нас. Секунду — и снова отвернулась к своим, улыбнувшись уголком губ. Коротко. Будто одолжение сделала.

— Пошли, — буркнул я, отворачиваясь.

Мы двинулись дальше. Уиллоу-хаус вырастал из тумана — тёмный кирпич, густо увитый плющом. Листья блестели после дождя, закрывая окна, словно ставни. Из одного из них, почти скрытого зеленью, донёсся звук — резкий, ломаный, с гитарным перебором и голосом, который не пел, а скорее кричал. Американское.

Барнс зажал сигарету в зубах и качнул головой в сторону окна:

— А эти... вечно себе на уме.

Я ничего не сказал. В Грейвуде американцев не любили. Слишком громкие, слишком уверенные, слишком много места занимают. Им казалось, что весь мир должен играть по их правилам. Но сейчас, слушая эту музыку, я думал не о правилах. Я думал о том, что даже здесь, в этом городке из камня и плюща, можно впустить что-то чужое, просто открыв окно.

В окне мелькнул силуэт — девушка с яркими волосами, слишком яркими для Грейвуда. Она выглянула, оглядела улицу, заметила нас и — вместо того, чтобы закрыть окно — просто отвернулась.

— Немцы определённо тише, — заметил Барнс.

— Не то слово, — согласился я.

Мы двинулись дальше к главному входу, и разговор о нарушителях правил, о «жутком парне», о Китти, о музыке, и о тех, кто «вечно себе на уме», сам собой сошёл на нет. Впереди, в серой стене, поросшей плющом, чернела дверь, которая, как все знали, никогда не запиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.